Ганс Христиан Андерсен

Самое невероятное

Тот, кто сделает самое невероятное, возьмет за себя принцессу, а за ней в приданое полкоролевства!» Как только объявили это, все молодые люди, да и старики за ними, принялись ломать себе головы, напрягать мозги, жилы и мускулы. Двое объелись, двое опились до смерти — в надежде совершить самое невероятное на свой лад, да не так взялись за дело! Уличные мальчишки вылезали из кожи, чтобы плюнуть самим себе в спину, — невероятнее этого они ничего и представить себе не могли.

Назначен был день для представления на суд всего того, что каждый считал самым невероятным. В число судей попали люди всех возрастов, от трехлетних детей до девяностолетних старцев. Взорам судей представилась целая выставка невероятных вещей, но скоро все единогласно решили, что самой невероятной из них были большие столовые часы удивительного внутреннего и внешнего устройства. Каждый раз, как часы били, появлялись живые картины, показывавшие, который час. Таких картин было двенадцать, каждая с движущимися фигурами, пением и разговорами.

— Это самое невероятное! — говорили все.

Бил час, и показывался Моисей на горе и чертил на скрижали первую заповедь.

Било два — взорам представлялся райский сад, жилище Адама и Евы, двух счастливцев, утопавших в блаженстве, хоть у них и не было ничего — даже шкафа для платья; ну, да они в нем и не нуждались!

В три часа появлялись трое царей, шедших с востока на поклонение Иисусу; один из них был черен, как голенище, но не по своей вине — это солнце так наваксило его! Все трое держали в руках драгоценные дары и благовонные курения.

В четыре показывались четыре времени года: весна с только что распустившеюся буковой ветвью, на которой сидела кукушка; лето с колосом спелой ржи, к которому прицепился кузнечик; осень с пустым гнездом аиста, означавшим, что все птицы улетели, и зима со старой вороной-сказочницей, умевшей рассказывать в уголке за печкой старые предания.

Часы били пять — выходили пять чувств: зрение — в образе оптика, слух — медника, обоняние — продавщицы фиалок и дикого ясминника, вкус — повара, а осязание или чувствительность — распорядителя похоронной процессии, в траурной мантии, спускавшейся до самых пят.

Било шесть — выскакивал игрок, подбрасывал кость кверху, она падала и показывала высшее очко — шесть.

Затем следовали семь дней недели или семь смертных грехов; насчет этого шла разногласица, да и впрямь трудно было различить их.

После этого выходил хор монахов — восемь человек — и пел заутреню.

С последним ударом девяти являлись девять муз; одна занималась астрономией, другая служила в историческом архиве, а остальные посвятили себя театру.

Било десять, и опять выступал Моисей с двумя скрижалями, на которых были начертаны все десять заповедей.

Било одиннадцать, и выскакивали одиннадцать мальчиков и девочек и начинали играть в игру под названием «пробил одиннадцатый час»!

Наконец, било двенадцать, и являлся ночной сторож, в шлеме, с «утренней звездой» в руках, и пел старинную песенку ночных сторожей:

Полночь настала,

Спаситель родился!

А в то время как он пел, вокруг расцветали розы и затем превращались в головки ангелочков,

парящих на радужных крылышках.
Было тут что послушать, на что посмотреть! Вообще часы являлись настоящим чудом, «самым невероятным», по общему мнению.
Художник, творец часов, был человек еще молодой, сердечный, с детски веселой душой, добрый товарищ и примерный сын, заботившийся о своих бедных родителях. Он вполне заслуживал и руки принцессы, и полкоролевства.
День присуждения награды наступил; весь город убрался по-праздничному; сама принцесса сидела на троне; подушки его набили новым волосом, но сам он от этого не стал ни удобнее, ни покойнее. Судьи лукаво поглядывали на юношу, который должен был получить награду, а он стоял такой веселый, бодрый, уверенный в своем счастье, — он ведь сделал самое невероятное.
— Нет, это вот я сейчас сделаю! — закричал высокий мускулистый парень. — Я совершу самое невероятное!
И он занес над чудесными часами тяжелый топор.
Трах! — и все было разбито вдребезги! Колеса и пружины разлетелись по полу, все было разрушено!
— Вот вам я! — сказал силач. — Один удар, и — я поразил и его творение, и вас всех! Я сделал самое невероятное!
— Разрушить такое чудо искусства! — толковали судьи. — Да, это самое невероятное!
Весь город повторил то же, и вот принцесса, а с нею и полкоролевства должны были достаться силачу — закон остается законом, как бы он ни был невероятен.
С вала, со всех башен города было оповещено о свадьбе. Сама принцесса вовсе не радовалась такому обороту дела, но была чудно хороша в подвенечном наряде. Церковь была залита огнями; венчание назначено было поздно вечером — эффектнее выходит. Знатнейшие девушки города с пением повели невесту; рыцари тоже с пением окружили жениха, а он так задирал голову, словно и знать не знал, что такое споткнуться.
Пение умолкло, настала такая тишина, что слышно было бы падение иголки на землю, и вдруг церковные двери с шумом и треском растворились, а там... Бум! Бум!.. В двери торжественно вошли чудесные часы и стали между женихом и невестой. Умершие люди не могут восстать из могилы, это мы все хорошо знаем, но произведение искусства может возродиться, и оно возродилось — вдребезги была разбита лишь внешность, форма, но идея, одухотворявшая произведение, не погибла.
Произведение искусства вновь стояло целым и невредимым, как будто рука разрушителя и не касалась его. Часы начали бить, сначала пробили час, потом два, и т. д. до двенадцати, и картина являлась за картиной. Прежде всех явился Моисей; от чела его исходил пламень; он уронил тяжелые скрижали прямо на ноги жениха и пригвоздил его к месту.
— Поднять их снова я не могу! — сказал Моисей. — Ты обрубил мне руки. Стой же, где стоишь!
Затем явились Адам и Ева, восточные цари и четыре времени года; каждое лицо обратилось к нему со справедливым укором:
«Стыдись!»
Но он и не думал стыдиться.
Остальные фигуры и группы продолжали выступать из часов по порядку и вырастали в грозные по величине образы; казалось, что скоро в церкви не останется места для настоящих людей. Когда же, наконец, пробило двенадцать и выступил ночной сторож в шлеме и с «утренней звездой», в церкви произошло смятение: сторож прямо направился к жениху и хватил его своим жезлом по лбу.
— Лежи! — сказал он. — Мера за меру! Теперь и мы отомщены, и художник! Исчезнем!
И произведение искусства исчезло, но свечи в церкви превратились в большие светящиеся цветы;

золотые звезды, рассыпанные по потолку, засияли; орган заиграл сам собою. И все сказали, что вот это-то и есть «самое невероятное»!

— Так не угодно ли вызвать сюда настоящего виновника всего этого! — молвила принцесса. — Моим мужем и господином будет художник, творец чуда!

И он явился в церковь в сопровождении всего народа. Все радовались его счастью, не нашлось ни одного завистника! Да, вот это-то и было «самое невероятное»!